

Д. Л. Мордовцев

**Сидение раскольников в
Соловках**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М79

М79 **Мордовцев Д.Л.**
Сидение раскольников в Соловках / Д. Л. Мордовцев – М.: Книга по Требованию, 2021. – 88 с.

ISBN 978-5-4241-3166-0

Творчество писателя и историка Даниила Лукича Мордовцева уже на протяжении века вызывает интерес как специалистов, так и простых читателей, его труды неоднократно издавались и переводились на многие языки.

Из богатого наследия писателя вниманию читателей предлагается одно из самых его ярких исторических произведений - "Сидение раскольников в Соловках" - о начале раскола в России в период царствования Алексея Михайловича (конец XVII века).

ISBN 978-5-4241-3166-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Д.Л. Мордовцев, 2021

Мордовцев Даниил Лукич
Сидение раскольников в
Соловках

Даниил Лукич МОРДОВЦЕВ
СИДЕНИЕ РАСКОЛЬНИКОВ В СОЛОВКАХ
Историческая повесть
из времени начала раскола на Руси
в царствование Алексея Михайловича
ОГЛАВЛЕНИЕ

- I. Буря на Белом море у Соловок
 - II. Черный собор и посол Кирша
 - III. Отбитый чернецами "вороп"
 - IV. Сиротская свечка перед Господом
 - V. Огненный монах и послание Аввакума
 - VI. Оленушка в раю
 - VII. Стрельцы гуляют
 - VIII. Соловецкие святки
 - IX. Спирина печерочка
 - X. Начало беспоповщины
 - XI. Воровской атаман Спира Бешеный
 - XII. Исповедь князя Мышецкого
 - XIII. Роковые качели
 - XIV. "А все из-за пучеглазой..."
 - XV. Перебежчик
 - XVI. Последняя ночь "Соловецкого сидения"
 - XVII. "На теплые воды"
-
-

А н н о т а ц и я р е д а к ц и и: Творчество писателя и историка Даниила Лукича Мордовцева (1830 - 1905) обширно и разнообразно. Его многочисленные исторические сочинения, как художественные, так и документальные, написанные, как правило, с передовых, прогрессивных позиций, всегда с большим интересом воспринимались современным читателем, неоднократно переиздавались и переводились на многие языки. Из богатого наследия писателя в сборник вошли произведения, тематически охватывающие столетие русской истории: "Сидение раскольников в Соловках" (конец XVII века), "Державный плотник" (о Петре I) "Наносная беда" и "Видение в Публичной библиотеке" (время Екатерины II)

1. БУРЯ НА БЕЛОМ МОРЕ У СОЛОВОК

По Белому морю, вдоль Онежской губы, по направлению к Соловецкому острову медленно плыла небольшая флотилия из кочей, наполненных стрельцами. Кочи шли греблей, потому что на море стояла невозмутимая тишь, наводящая одурь на мореходов. Весна 1674 года выдалась ранняя, теплая, и вот уже несколько дней солнце невыносимо медленно от зари до зари ползло по безоблачному небу, почти не погружаясь в море даже ночью и нагоняя на людей тоску и истому. Марило так, что казалось, и небо было раскалено, и от моря отражался

жар, и груди дышать было нечем. Кругом стояла такая тишина, что слышен был малейший плач морской чайки где-то за десятки верст, хотя самой птицы и не было видно, да и ей в эту жарынь не леталось. Весла гребцов медленно, лениво, неровно опускались в морскую лазурь и блестели на солнце спадавшими с них алмазными каплями, а с самих гребцов по раскрасневшимся лицам катился пот, смачивая разметавшиеся и всклокоченные пряди волос и бороды.

На переднем, на самом большом из всех кочей судне, у кормы, под натятым на снасти положком сидит старый монах и, водя грязным толстым пальцем по развернутой на коленях книге, читает, гнуся и спотыкаясь на титлах да на длинных словах. На трудных словах особенно трясется его седая козелковая борода:

- "И от Троицы князь великий поезде и с великою княгинею и с детьми в свою отчину на Волк Ламской тешится охотою на зверя прыскачаго и на птица летучая. И тамо яко неким от Бога посещением нача немощи, и явился на позе его знамя болезненно, мала болячка на левой стране на стегне, на изгиби, близ нужного места, с булавочную голову, верху у нея нет, ни гною в ней нет же, а сама багрова. И тогда наипаче внимаше себе, яко приближается ему пременение от маловременнаго сего жития в вечный живот"...

- "От маловременнаго сего жития в живот вечный"... вон оно что! А все никто как Бог, - рассуждал монах, переводя дух и поправляя на голове скуфейку. - Уж и теплынь же, воевода.

- Что и говорить, тепла печка Богова, - отвечал тот, кого называли воеводою, сидевший тут же под холстовым напьясьем.

А с задних судов доносился говор и смех, но как-то вяло, лениво. По временам кто-то затягивал песню, другой подхватывал - и лениво, монотонно тянули:

Сотворил ты, Боже, да и небо-землю,
Сотворил же, Боже, весновую службу.
Не давай ты, Боже, зимовые службы,
Зимовая служба молодцам кручинна,
Молодцам кручинна, да сердцу неусладна...

- Али в экое пекло лучше! - протестует чей-то голос.

- "...И посла по брата своего по князя Ондreja Ивановича на потеху к себе. Князь же Ондрей приехал к нему вскоре. Тогда князь великий нужею выеха со князем Ондреем Ивановичем на поле с собаками", - продолжал гундосить монах под пологом.

...Ино дай же, Боже, весновую службу,
Весновая служба молодцам веселье,
Молодцам веселье и сердцу утеха.

- ...А я в те поры был у его, у Стеньки, в водоливах на струге, как он гулял с казаками. А она, полюбовница ево, царевна персицка, сидит на палубе, на складцах, словно маков цвет, изнаряжена, изукрашена, злато-серебро на ей так и горит. А Стенька выпил-таки гораздо, да и ну похваляться перед казаками: мне, говорит, все нипочем, всего добуду и Москву достану. Да и подходит это к своей полюбовнице, берет ее на руки, словно дитю малую, подносит к борту да и говорит: "Ах ты, Волга-матушка, река великая! Словно отец с матерью ты меня кормила-поила, златом-серебром, славой-честию наделила, а я тебя ничем не одарил... На ж тебе, возьми!" Да так, словно шапку, и махнул в воду свою полю-

бовницу.

- Что ты, братец ты мой! И утопла?

- Как топор ко дну.

Это ведут беседу стрельцы, сидя на носу передового судна. Судно это наряднее всех остальных кочей. Нос и корма его украшены резьбой и расписаны яркими цветами. На вершине мачты, над вертящимся кочетком, водружен восьми-конечный крест. Пониже, в неподвижном воздухе, висит на натянутой снасти красный флаг с изображением Георгия Победоносца. Это судно воеводское. Несколько чугунных пушек поблескивает на солнце, выглядывая за борт.

- ...Что ж, воевода, говоря по-божьему, их, старцев, дело правое, говорил монах, - двумя персты все мы от молодых ногтей маливались, и я, и ты. Вон и в этой книге, гляди-тко, изображен старец, видишь? Вон у его перстишки-то два торчат, аки свечечки, а большой перст пригнут.

И монах тыкал пальцем в изображение на одной странице книги.

- Так-то так, я и сам не больно за три персты-то стою, - нехотя отвечал воевода, - да они за великого государя не хотят молиться: еретик-де.

- Ну, это дело великое, страшное: об ем не то сказать, а и помыслить-то, и-и! Спаси Бог!

Они замолчали. Молчали и стрельцы, только гребцы медленно и лениво плескали веслами да назад тянули про "весновую службу":

А емлемте, братцы, Яровы весельца,

Да сядемте, братцы, в ветляны стружочки,

Да грянемте, братцы, в Яровы весельца,

В Яровы весельца - ино вниз по Волге.

- Вон и они про Волгу поют. Хороша река, вольна, - снова заговорил стрелец.

- Как же ты с Волги сюда попал, коли у Разина служил?

- Да у него-то я неволей служил... Допреж того служба моя была у воеводы Беклемишева, и там, как Стенька настиг нас на Волге да отодрал плетью воеводу...

- Что ты! Воеводу! Беклемишева?

- Ево, да это еще милостиво, диви что не утопил... Ну, как это попарил он нашего воеводу, так и взял нас, стрельцов, к себе неволей. А после я и убег от него.

- И ноздри тебе на Москве не вырвали?

- За что ноздри рвать? Я не вор.

- А ты видел, как потом Стеньку-то на Москве сказнили?

- Нет. В те поры мы стояли в черкасских городех, потому чаяли, что ерман польской стороны. Петрушка Дорошонок, черкасским людям дурно чинить затевал.

- А я видел. Уж и страсти же, братец ты мой! Обрубили ему руки и ноги, что у борова, а там и голову отсекли, да все это - на колья... Так голова-то все лето на колу маячила: и птицы ее не ели, черви съели, страх! Остался костяк голый, сухой: как ветер-то подует, так он на колу-то и вертится да только кости-то цок-цок-цок...

На западе, ближе к полудню, что-то кучилось у самого горизонта в виде облачка. Да то и было облачко, которое как-то странно вздувалось и как бы ползло

по горизонту, на полночь.

- Никак, там заволакивает аер-от...

- И впрямь, кажись, облаци Божьи. Не разверзет ли Господь хляби небесны?
- крестится монах.

- А добре бы было, страх упека.

Воевода расстегнул косой ворот желтой шелковой рубахи, зевнул и перекрестил рот.

Облачко заметно расплзлось и вздувалось все выше и выше. Казалось, что в иных местах серая пелена, надвигавшаяся на юго-западную половину неба, как бы трепетала. Старый помор-кормщик, сидевший у руля воеводского судна, зорко следил своими сверкавшими из-под седых бровей рысьими глазками за тем, что делалось на горизонте и выше. Жилистая, черная, как сосновая кора, рука его как-то крепче оперлась на руль.

Слева, по гладкой, почерневшей поверхности моря прошла полосами змеистая рябь. Неизвестно откуда взявшаяся стая чаек с плачем пронеслась на восток, к онежскому берегу, которого было не видно. Душный воздух дрогнул, и кочеток заметался и заскрипел на верху воеводской мачты. Что-то невидимое затрепетало красным полотном, на котором изображен был Георгий, прокалывающий змия огромными лапами.

- Ай да любо, ветерок! Теперь бы и косым паруском можно, послышалось откуда-то.

- Напинай, братцы!

- Стой! Не моги! - раздался энергичный голос старого кормщика-помора.

Вдали, на западе, что-то глухо загремело и прокатилось по небу, словно пустая бочка по далекому мосту. Солнце дрогнуло как-то, замигало, бросило тени на море и скоро совсем скрылось. Высоко в воздухе жалобно прописнула, как ребенок, какая-то птичка, и скоро голос ее затерялся где-то далеко в неведомом шуме.

- Не к добру, - проворчал старый кормщик, глядявываясь во что-то по направлению к Словкам. - На экое святое место да ратью идти!..

- Ты что, дядя, ворожишь? - спросил, подходя, тот стрелец, что служил у Стеньки Разина в водоливах.

- Что! Зосима-Савватий осерчали, дуют.

- Что ты, дядя! За что они осерчали?

- А как же! На их вить вотчину, на святую обитель ратью идем.

- По делам, не бунтуй.

Небо загремело ближе, и как бы что-то тяжелое, упав и расколовшись, покапало по морю. Порывом ветра, неизвестно откуда сорвавшегося словно с цепи, метнуло в сторону полотняный намет и, потрепав в воздухе, бросило в воду. Монах, придерживая скуфейку, прятал под полу книгу, а воевода торопливо застегивал ворот рубахи и крестился "Свят-свят-свят...".

Торрох! Расколосось и обломилось, казалось, все небо над головами оторопелых стрельцов, по-над морем, там и здесь пронеслись огненные стрелы, снова разорвалось небо, и хлынул дождь.

Все кругом крестились, полной грудью втягивая посвежевший влажный воздух и выставляя под дождь разгоревшиеся головы и лица.

- Ай да важно! Разлюли малина, - раздавались веселые голоса.

Кто-то запел по-детски: "Дожжик-дожжик, припусти!.." Один старый кормщик глядел сурово, заставляя судно поворачиваться левее.

- Водоливы! К плицам! - громко закричал он. - Воду выливай.

Действительно, воды налило много. Кочи стали идти грузнее. Намокшее красное полотно с Георгием Победоносцем болталось, как тряпка, тяжело хлеща по снастям. Ветер крепчал и вздымал море, которое, казалось, распухало, а местами прорывалось и белело тяжелыми брызгами. Беляки шли грядками, и кочи, сбившись с первого курса, тыкаясь в белые буруны носами, метались в беспорядке, как шепки. Кое-где слышались испуганные голоса, резкие выкрики кормщиков.

Монах, упав на колени и ухватившись одной рукой за ключину, громко молился и вздрагивал всем телом, когда его окатывало солеными брызгами: "Господи, спаси! Всесильный, не утопи! Пророк Иона! Пророкушка, матушка! Во чреве китов", - бессвязно стонал он, поднимая правую руку к небу, которое на него свирело дуло и брызгало водой. Воевода, ухватившись обеими руками за мачту, испуганно озирался, бормоча не то молитвы, не то заклинания: "Охте мне! Светы мои! Зосим-Савватий! Соловецки! Охте, охте!" Стрелец, что служил у Стеньки Разина водоливом, торопливо сбрасывал с себя сапоги, рубаху и порты, как бы собираясь броситься в море и плыть, сам не зная куда.

Одно судно, на котором еще недавно раздавалась песня о "весновой службе", потеряв руль, отбилась в сторону и перекидывалось с гребня на гребень, как пустое корыто. Другие кочи также разбились врозь и то выскакивали на белые гребни валов, то ныряли, болтая в воздухе жалкими мачтами, словно маленькими веретенами. Ветер завывал и взвизгивал, как бы силясь растрепать и оборвать ничтожные снасти, которые потому именно и не обрывались, что были слишком ничтожны...

Еще раз небесная пелена разодралась сверху донизу, и треснул гром; звякнул второй раз еще резче и заколотил по небу сотнями орудий.

На отбившемся и потерявшем руль судне раздался отчаянный крик: "О-оо! Православные! Батюшки! Спасите, кто в Бога верует!"

- Наляг на гребки, братцы! С Богом, наляг! - хрипло командовал кормщик воеводского судна, направляя ход его к тому месту, откуда неслись отчаянные крики.

Гребцы налегли всей грудью, то погружая весла глубоко в пенящиеся волны, то скользя лопастями по бокам валов. Судно вздрагивало, то тыкаясь в воду носом, то западало кормой, так что кормщик, казалось, правил свое судно на водяную перекатывающуюся гору. Судно, потерявшее руль, видимо, потопало: края его чуть заметно чернели в пенящихся бурунах, и только виднелись руки, протягивающиеся к небу, словно расшвырявшее небо собиралось бросить им спасительные веревки, а на мачте и на снастях отчаянно бились те, которые искали спасения повыше от зияющей и клочущей бездны.

Не успело воеводское судно настигнуть погибавшее, как последнее совсем захлестнуло темно-зеленым с белым гребнем буруном. Руки, тянувшиеся к небу, разом упали и замолкли на клочущей поверхности моря, то подымаясь, то исчезая в воде.

- Кидай причалы! Подавай концы, детушки! - не выпуская из рук руля, повелительно и с мольбою кричал старый помор-кормщик.

Взвилась в воздухе, разматываясь и кружась волчком, бичевы и веревки и упали в воду в том месте, где потопавшие боролись с волнами, бледные, с искаженными от ужаса лицами. Иной, видимо, с отчаянием и злобой погибающего отбивался от топившего его, не умевшего плавать и держаться на воде соседа. Иные руки хватались за веревки, другие, безнадежно поколотив воду, исчезали совсем под нею. Более умелые и сильные боролись с волнами сами и плыли к спасительному судну.

- Православные, спасите Киршу! Полуголове помогите, батюшки! взмолился воевода, забыв свой собственный страх.

А Кирша, стрелецкий полуголова, взобравшись на мачту потонувшего и уже скрывшегося под водой судна, не чувствуя, что сама мачта опускается все ниже и ниже, умолял силным голосом:

- Православные! Отцы мои! Не покиньте! Тону.

Набежавшим буруном тряхнуло мачту, руки Кирши скользнули по мокрому дереву, и он, подняв руки к небу, исчез под водою.

- Господи! Помяни во царствии раба... Господи! - с ужасом шептал воевода, безумно озираясь.

- Да, прогневались на нас святые угоднички Зосима-Савватий за то, что мы хотим их святую обитель разорить, - твердил старый кормщик. Преподобные, помилуйте!

II. ЧЕРНЫЙ СОБОР И ПОСОЛ КИРША

На другой день после грозы и бури стояло чудное летнее утро. Море, накануне всколыхнувшееся мгновенно налетевшею бурей и разметавшее стрелецкую флотилию, теперь снова улеглось на покой и казалось еще голубее, чище и приветливее, чем было до бури. Остров, святая вотчина преподобных Зосимы и Савватия, с темною зеленью, иглистыми лесами и резко очерченными берегами, у которых кружились, реяли в прозрачном воздухе, плакали и выпискивали на разные голоса чайки, мартины-рыболовы и острохвостые стрижи, казалось, радостно тянулся к небу своими церквами и башнями, словно так и вышедшими, как из купели, из голубой морской пучины. Спасшиеся от потопления стрелецкие суда-большаки и кочи тихо, едва заметно колыхались у берега на поверхности глубокой соловецкой губы, красиво окаймленной зеленью и серыми, проросшими мохом камнями.

Но в самом монастыре было беспокойно. Во всей святой обители господствовала необычайная тревога. Монастырские ворота и все входы и выходы были заперты. По стенам ходили часовые с ружьями, зорко следя за тем, что делалось на берегу, около стрелецких кочей, и прислушиваясь к смутному говору и смятению, господствовавшему в стенах обители. Соборный колокол, разнося гул далеко по острову и по морю, не то бил сполох, не то созывал черный собор, всю братию и богомольцев, священников и диаконов, соборных старцев и братию рядовую и больничную, монастырских служек и трудников, служилых людей, усольцев и всех православных христиан. В то же время пушкари монастырские по башням и бойницам чистили и заряжали наряд, пушки и пищали затинные. Монастырские голуби, которым так привольно жилось в монастыре на всем готовом, и сизые, и белые волосатые, и глинистые, рудо-желтые, и турмана всех цветов и "в штанцах", белоглазые глуповидные галки, космополиты воробьи и стрижи, охотники до всего высокого и грандиозного, до высоких церквей и

грандиозных скал, - все эти пернатые отшельники и певчие, выпугнутые из своих келий-гнезд необычным движением, звоном и суетнею на стенах и башнях, шумно кружились над монастырем и кричали на все птичьи голоса, не зная, где присесть и что думать о суетившейся черной братии, забывшей даже сегодня посыпать зерна и крошек для своей крылатой скромной братии. Один, особенно любимый черною братиею глинистый турман "в штанцах", видя общую суматоху и приняв ее слупу за общее торжество, такие выделывал в воздухе кувырки, что Исачко Воронин, сотник и стратег всего монастырского воинства, зарядив на монастырской стене последнюю затинную пищаль, так залюбовался на воздушные кувырки любимого монастырского голубя и так задрал свою бородатую голову к небу на этого сорванца птицу, что чуть не опрокинулся со стены.

На звон колокола из всех монастырских келий, словно черные тараканы из щелей, посыпала черная братия: из пекарен и трапез, из прядильных и дубильных изб, из странноприимных и больничных домов и из схименных конурок. Все это, как пчелы, гудело и торопливо, насколько могло, направлялось к собору, на площадке у которого уже виднелась старшая монастырская братия, отцы строители и рядители: архимандрит Никанор, необыкновенно большебровый и горбоносый старик, келарь Нафанаил, кругленький и пузатенький старичок с красным носом и бородкою в виде двух клоков немьтой шерсти, отец Геронтий, сухой и длинный, как сырмятный кнут, чернец, с лицом испостившегося "мурина", гордничий старец Протасий - остробородатый, с плутоватыми глазами постный лик. Тут же и мирские лица - сотник Исачко, уже сошедший со стены, и сотник же кемлянин Самко: первый - косою на оба глаза, но необыкновенно меткий пушкарь со вздернутым носом и бородою, второй - с поклапым носом рыжий мужик с рыжею, широкою, как лопата, бородою.

Тут же в кругу стоял и стрелецкий полуголова Кирша, которого накануне мы видели на мачте погибшего судна. Кирша не утонул: он погрузился было в море, но его зацепили багром за кафтан и спасли. У Кирши в руках какая-то бумага. Рядом с ним - тот монашек с козелковой бородкой, что читал на море воеводе книгу о преставлении государя и великого князя Василия Ивановича.

Сборище у соборного круга увеличивалось с каждою минутой. Сошлись не только монастырские жители, но и пришедшие издалека, из всех концов Московского государства богомольцы и богомолки - из Архангельска, из Москвы, Сибири, с Дону, Волги и даже из черкасской земли. Был тут и галанский немец из Амбурха-града, имевший торговый дом в Архангельске и часто наезжавший в Соловки для покупки у братии поташу, смолы и рыбьего зуба; это был бритый, круглощекий, с голубыми глазами за пивною слюдой немец, и звали его Каролусом Каролусовичем. Каролус Каролусович тоже пришел любопытствовать, по какому случаю такой собор в монастыре. Вместе с ним и с семейством архангельского кушца Неупокоева, приехавшим поклониться соловецким угодникам, вышла к собору и "аглицкая" немка мистрис Пристлей, давно жившая в Архангельске со своим мужем, агентом одного лондонского торгового дома мистером Пристлеем, и известная всем архангельцам под почетным титулом "аглицкой немки Амалеи Личардовны Простреловой". Это была высокая сухощавая женщина с розовыми щеками, белыми и выдающимися, как у кролика, зубами и глинистыми, как перья у голубя "в штанцах", волосами. Амалея Личардовна приехала в Соловки просто из любопытства, посмотреть на это московитское,

как ей казалось, Уэстминстерское аббатство. В долгое пребывание в Архангельске она порядочно выучилась говорить по-русски и была особенно хорошо знакома с женою Неупокоева и его дочкою, семнадцатилетнею девушкою Оленушкою, с которыми теперь и пришла посмотреть на монастырское сборище и послушать, что там будет.

Когда они пришли к сборищу, то увидели, что какой-то широкоплечий, с сросшимися бровями стрелец, это был Кирша, подал архимандриту Никанору свиток с висевшею на шнурке черною печатью, а тот, развернув свиток и повертев его в руках как что-то такое, которое не знаешь с которого конца и начать, передал в руки сухому монаху с лицом мурина, грамотею Геронтию.

Геронтий развернул свиток, нагнулся к печати, как бы обнюхивая ее, выпрямился, как смоленый шест, кашлянул словно из бочки и тоже словно бы из бочки начал что-то читать. Сначала ничего нельзя было разобрать, кроме отдельно выкрикиваемых слов: "сие наше", "со-со-соборное послание", "и завещание", "передаем и повелеваем неизменно хранить", "и по-и поко-и покорится святей во-восточней церкви..." Далее отец Геронтий овладел трудностями дьяческой с завитками каллиграфии, и из бочки потекли плавно страшные слова:

- "Аще ли мя кто не послушает повелеваемых от нас и не покорится святей восточней церкви и освященному собору или начнет прекословити и противлятися нам, - гремело на весь черный собор, - и мы такового противника, данную нам властью от святаго и животворящаго Духа, аще будет от освященнаго чина, извергаем и обнажаем его всякаго священнодействия и благодати, и проклятию предаем..."

При слове "проклятие" сдержанный ропот прошел по собору. Все груди, по-видимому, тяжело дышали. Все усиленно, мучительно-напряженно вслушивались в читаемое и едва ли многое понимали: понимали только одно "проклятие"; кто-то кого-то проклинал... Кого же, как не их, черную смиренную братию, братию рядовую, служек и трудников? А за что? Вон какие мозоли они понатерли на своих грубых ладонях, работая на святых угодничков Зосим-Саватгия... А их проклинают... Трудно дышит братия, слышно даже это усиленное дыхание... Иные не то скорбно, не то укоризненно качают поникшими головами...

У отца Никанора ходенем ходят большие брови, а лицо все более и более краснеет. Старец Протасий, оглядывая исподлобья черную братию, глубоко вздыхает. Один Исачко-сотник косит своими глазами на Киршу-стрельца и как бы хочет сказать: "А попробуй, мы те покажем Кузькину мать..."

- "Аще же от мирского чина, - продолжают вылетать слова из сухой бочки, - отлучаем и чужда сотворяем от Отца и Сына и Святаго Духа, и проклятию и анафеме предаем, яко еретика и непокорника, и от православнаго Всесочления и стада и от церкви Божия отсекаем яко гниль и непотребен уд, допреже вразумится и возвратится в правду покаянием".

Отец Геронтий передохнул и поправил на висках и на лбу волосы, потому что и на лбу и на висках проступал пот. От волнения и натуги свиток дрожал в его руках и печать на шнуре колыхалась. Сотник Исачко от скуки, он человек ратный и письмо не его дело, его дело зелье нарядное да пищаль затинная, Исачко выследил над монастырем своего любимца голубя, турмана "в штанцах", и искося опять поглядывал на его отчаянные кувырки в воздухе.

- Что дале, на нет чти, - нетерпеливо и дрожащим голосом понукнул архи-